

ЧЕЛОВЕК ПУТИ

Татьяна
НИКОЛАЕВА

Владимир Воробьев – один из немногих людей в моей жизни, которые в нужное время выбивали меня из колеи, когда однообразие существования превращалось в бессмысленность и казалось безвылазным. Такое состояние знает каждый творческий человек, то есть – идущий, человек Пути.

Фотографии Воробьева меня очаровали сразу (не от слова «чары», а от слова «очи»: очам даровали), открыв мир, причем мой, в котором я рядом с ним существую, но которого зачастую не замечала. Его глаз-объектив («третий глаз?»), скользя взглядом по моим улицам, дворикам, по моим встречным прохожим, по собакам, перебегающим дорогу, кошкам, задремавшим на подоконниках, – неожиданно останавливался и запечатлевал мгновения нашей общей жизни. Какие-то его мгновения совпадали с моими, и я радовалась встрече. Какие-то были неожиданностью, и я спрашивала.

Каждый человек обладает этим свойством зрения. Каждый – потенциальный фотограф. Только на спуск нажимает в разное время и на разном: кто-то на красивом, кто-то на безобразном, на сентиментальном, «прикольном», заказном...

Спустя десятилетия перелистываю фотографии Владимира восьмидесятых годов (время нашего знакомства: первый вал – девятый вал! – его неутомимого взгляда) и, покрываясь мурашками, понимаю: да он просто любит их... Нас! Вспоминаю, что меня больше всего поразило в нем с самого начала. Поэтка, человек эмоциональный и развивающийся через конфликт (влипание – отторжение), я вдруг обнаруживаю, что в наших беседах он не принимает ни моей, ни противоположной точки зрения. По-доброму насмешливо начинает встряхивать меня неожиданными вопросами, не давая на них никакого ответа. Сейчас, в его фотографиях, собранных за несколько десятилетий, я это вижу: они ни социально окрашены, ни острополитичны, ни изысканно-философичны, ни витиевато-концептуальны. Ни один «изм» не лепится к характеристике его взгляда. Единственное, что характерно для фотографий черно-белого периода, – очень мягкая, благодушная ирония. Не издевка, вызывающая злорадство, не насмешка, вызывающая хохот, а именно ирония (как котенок лапкой – мягонько так – по непознанному еще предмету: бояться или ловить?), и именно благодушная (это было бы смешно, если бы не было так грустно).

Что привлекло более всего в работах этого периода? Портреты! Воробьев для меня мастер портрета. Есть фотографии металлургов, шахтеров, сельских механиков, продавцов, врачей, рожениц, просто женщин и мужчин в быту – в моем восприятии эти запечатленные лица соседствуют с портретами Рембрандта, Веласкеса, Гойи... Даже лица-фрагменты жанровых композиций, выловленные в той или иной ситуации нашей текущей жизни, очень характерны и выразительны.

Пролистывая блоки его бытийных фотографий, я непроизвольно улыбаюсь, на глазах вырываются слезы. Нет, они не прольются: жанр Владимира не трагедия и не сентиментальная проза. Слезы просто перекрывают взгляд, оставляя тебя один на один с увиденным чуть дольше, чем надо для просмотра, и вернуться назад, вглубь – в глубину твоей души, оставив след – там, где есть почва.

Каждый человек, встреченный в пути, оставляет след в другом. Мы не всегда это осознаем. Когда теряешь человека, какая-то маленькая деталь, незаметный штрих времени вдруг всплывает в затянувшемся ряской прошлом и становится ясным и главным. Вот сейчас я вспомнила совершенно бытийную картинку. Начало девяностых. Мы с трехлетней дочерью живем вдвоем на первом этаже в опустевшей коммуналке. Ни домофонов, ни даже железных решеток на окнах еще не было. Поздно вечером из темноты двора можно было услышать крик: «Помогите!» Я очень хорошо помню это резкое, как нож по горлу, чувство стыда за то, что не выбегу во двор и не помогу, потому что дома маленький ребенок и что будет, если вдруг...

Как-то случилась надобность переставить холодильник, и я попросила Володю помочь. Он приехал с женой Галей, вечером.

Быстро справились с моей проблемой. На предложение попить чайку отказались: – Поздно уже, автобусы скоро перестанут ходить.

Мне стало стыдно, что приволокла их в такую даль, на ночь глядя.

– Ради бога, простите, что выдернула вас из-за такой мелочи, как будто вам делать больше нечего...

И тогда Владимир, похлопав меня по плечу, сказал:

– Татьяна, если я не могу сделать такую мелочь для человека, то что я вообще могу в жизни?

И улыбнулся, и внутри все потеплело, но захотелось расплакаться. Когда они ушли, я и расплакалась. Это был урок – от Учителя. Тут-то я и поняла тайну его фотопортретов – почему люди так распахиваются перед ним, ведь камера (тем более в лицо!) обычно напрягает...

Хочется сказать о глазах Владимира, которые тоже поразили меня сразу при знакомстве. Они не улыбались никогда! Даже если он смеялся, его льдяно-серо-голубые глаза (холодное небо октября над поседевшим золотом первых заморозков)

смотрели на тебя мудро-печально, как будто здесь и сейчас видели все: что тебе предстоит пройти и – сколько пройти по этой неизменно-меняющейся земле. Я сразу почувствовала и обрела в нем Учителя. Поэтому с самыми сложными жизненными проблемами и духовными неразберихами шла к нему. Побеседовать. Рассказать о своей проблеме и час-два пить чаек, рассматривать его новые работы, слушать музыку, смотреть его фильмы и... не услышать ни слова в ответ на мой вопрос! Но, возвращаясь домой (только пешком!), уже знать, что внутри все утряслось и изменилось.

Сейчас то же самое происходит, когда я рассматриваю его фотографии. Они так же мудры, как его взгляд, так же уютно-теплы (хочется еще немножко побыть), как его дом, так же выверенно-классичны, как его любимая музыка, в них та же ирония, с которой он обычно говорил о своих болячках, когда спрашивали о здоровье.

С девяностых годов Владимир Воробьев перестает снимать людей. Его новым объектом познания-любви становится природа. Наша природа, с нашими следами на теле – первый этап. В этих снимках еще присутствуют люди, или их жилища, или дороги. И Владимира-фотографа не смущают эти следы, он по-прежнему не оценивает, а просто любит то, что снимает. Более того, любит с той же неулыбающейся нежностью во взгляде, может быть, с затаенной болью, потому что любви без боли не бывает. Второй этап – природа без людей и их следов.

Я это время проходила в монастыре в чине послушницы с малолетней дочерью. Сколько было потрясающих душу несоответствий! Девяностые годы. Перестройка? Похоже – ломка, избавление от зависимости. Но я-то шила церковные облачения, вычитывала от корки до корки (если эти корки были) дореволюционные духовные книги, сохраненные богобоязненными бабульками и пожертвованные в монастырскую библиотеку. А Владимир в это время никуда не сбегал, остался с камерой в руках на «стрелецкой площади» расправы с эсэсэсэром...

Появилась возможность снимать на цветную пленку. Черно-белая фотография с достоинством ушла в историю. Подчеркиваю: с достоинством! Потому что «мыльная» ширпотребовская возможность фоткать хлынула с необратимостью оползня! Это сейчас, десятилетия спустя, мы стали различать, что талант остается талантом, а «чикать» виды сможет и обезьяна. Тем более что ей не надо ни проявлять пленку, ни печатать заснятое в темной камере под красным фонарем. Именно в этот период, когда я в монастыре в свободное от послушания время начала вышивать гладью иконы, Владимир начал снимать на цветную пленку. Я, график по дару, стала работать цветом, и он, фотограф черно-белой школы, тоже обратился к цвету.

Рассматриваю нового для меня Воробьева в фотографии и дивлюсь: людей нет! Да, природа красива, но... люди? Невольно озвучиваю свои мысли. Смотрю на Владимира. Наблюдает, улыбается. Спрашиваю: «Почему?» Вскользь, не давая возможности завести дискуссию, отвечает: «Без меня хватает снимающих это».

Только сейчас понимаю, что значит «это»! Подобное привлекает подобное. Владимир не имел внутри себя злости и грязи, и изменившаяся человеческая реальность его не привлекала. Не захотел это познать и возлюбить.

Тогда не поняла, попыталась дипломатично навязать свое восприятие, разглядывая новый цикл фотографий: «Но ведь здесь – смотри! – портрет дерева, а это – портрет поля, склона горы...» Он только усмехнулся (мне показалось – горько) и, разувльбавшись, предложил: «Давай я поставлю тебе музыку, а ты расскажешь, что ты в ней увидела».

Да, наверно, эта огромная книга его взгляда на мир – фотосимфония его жизни в нем, жизни, которую он принимал такой, какая есть, потому что любил ее благодарной любовью. И взаимной. Я просто вижу, как каждый кадр, сделанный им, отвечает автору взаимностью.

Фото: Людмила Соколова

Соревнования горпромторга по производственной гимнастике. Новокузнецк. 10.04.1983

Фото Владимира Соколова

Женский хор на городском празднике песни. Новокузнецк. 3.06.1979